

Латыши поколения «революционного перелома» в обыденности российской провинции периода Гражданской войны

В. Б. Безгин, К. А. Якимов

Цель статьи заключается в изучении участия латышей российской провинции в событиях Гражданской войны. Исследование их роли в революционной обыденности осуществлено посредством применения концепции «поколения революционно-перелома» и методов социальной истории, просопографии и этнопсихологии. На примере судеб представителей изучаемой когорты рассмотрены поведенческие модели и карьерные траектории латышей в революционную эпоху. Посредством анализа биографических характеристик латышей-политкадоржан установлены пути интеграции подростков этого этнического меньшинства в революционное движение. Особое внимание уделено изучению проблемы службы латышей в губернских ЧК и революционных трибуналах. На основе автобиографий и анкет латышей-коммунистов установлены возраст, социальное происхождение, уровень образования, профессия, военная служба, а также их должности в карательных и репрессивных органах советской власти. Сделан вывод о том, что значительная доля латышей рассматриваемого поколения в карательных органах советской власти и среди красноармейцев была обусловлена их заметным преобладанием накануне Гражданской войны как среди большевиков, так и среди представителей других социалистических партий. Показано, что для многих радикально настроенных латышей участие в Гражданской войне стало возможностью добиться стремительного карьерного роста в условиях формирования советских органов власти и принуждения.

Ключевые слова: латыши, Гражданская война, российская провинция, обыденность, чрезвычайная комиссия, революционный трибунал.

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Для цитирования: Безгин В. Б., Якимов К. А. Латыши поколения «революционного перелома» в обыденности российской провинции периода Гражданской войны // История повседневно-сти. – 2024. – № 4. – С. 59–75. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_59. EDN: DUFENN

Введение

Изучение провинциальной обыденности периода Гражданской войны невозможно без учета инородческого фактора в событиях этих лет. Выяснение роли поколения «революционного перелома» различных этнических меньшинств в утверждении советского строя остается актуальной задачей современных исследований. Обращение к «красным» латышам, как наиболее активным участникам большевистского переворота и последующего вооруженного противостояния, вполне обосновано. Документальной основой исследования послужили материалы центральных и местных архивов, вводимые в научный оборот преимущественно впервые. Посредством изучения материалов личных дел латышей-коммунистов, в фонде Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО. Ф. П.-840. Оп. 2. Д. 1618, 2520, 3274, 3932, 3953), установлены их социальные и гендерные характеристики, а также карьерное движение в губернских органах ЧК и ревтрибунала. Цель исследования состоит в анализе участия латышей российской провинции в событиях Гражданской войны. Его предметом выступают судьбы провинциальных латышей, представителей изучаемой когорты. Методологической основой работы послужили теоретические положения истории повседневности и концепция «поколенческой истории». Посредством приемов социальной истории, просопографии и этнопсихологии установлена роль этого поколения в обыденности российской провинции периода Гражданской войны.

Современная историография изучаемой проблемы не столь обширна. Ряд научных работ касается темы создания «красных» полков латышских стрелков [1; 2] и их участия в подавлении антибольшевистских восстаний периода Гражданской войны [3; 4]. О влиянии революционного времени на судьбу семьи Лепсис, связавшей свою молодость со службой в карательных органах, размышляет А. С. Позднякова [5]. Печальная участь латышского стрелка в годы «большого террора» рассматривается в статье Н. В. Попова и И. М. Клименко [6]. Отдельные биографии и судьбы латышей – участников Гражданской войны проанализированы в статье Г. А. Шахтарина [7]. Исследователь И. В. Нам изучала отношение латышской диаспоры в Сибири к приходу к власти большевиков, мотивы их участия

в Гражданской войне [8]. На основании анализа документов семейного архива латышского стрелка Карла Яковица Е. Л. Назарова, отмечает заметную роль латышей на начальном этапе Гражданской войны и в процессе формирования Красной армии. Автор приходит к спорному, на наш взгляд, выводу о том, что победа большевиков не зависела от активности национальных меньшинств, а определялась выбором народных масс [9]. В то же время многие вопросы, затрагивающие проблему участия латышей и их роли в событиях Гражданской войны, до сих пор остаются малоизученными.

Обращение внимания на демографическую когорту поколения «революционного перелома» (родившиеся в 1890-е гг.) имеет свое обоснование. В годы Гражданской войны большинству из них было около 20–27 лет, именно они стали наиболее активными участниками революционных преобразований советской власти, играя роль «проводников» политики большевиков в российской провинции. Этому способствовал не только юный возраст, для которого во многом свойственны дух бунтарства и неустойчивость политических взглядов, но и особенности мировоззренческих установок молодого поколения латышей, общественное сознание которых формировалось в условиях активизации российского революционного движения.

Проведенный В. Л. Дьячковым и Л. Г. Протасовым анализ партийного состава провинциальной политической элиты осени 1917 г. показал, что среди всех национальных групп на российском политическом поле латыши были седьмыми, составляя всего 1,5 % [10, с. 41]. Однако примечательно, что подавляющее большинство из них (82,2 %) числилось в социалистических партиях, тогда как большевики из общего числа латышей в составе партийной элиты составляли наиболее многочисленную группу (51,4 %) [10, с. 39]. При этом в общем этническом составе провинциальной партийной элиты РСДРП(б) латыши были четвертыми (4,8 %), уступая только русским (54,5 %), евреям (14,7 %) и украинцам (9,5 %) [10, с. 41]. Учитывая этнический состав партии большевиков накануне Гражданской войны, неудивительно, что многие латыши оказались на стороне «красных».

Миграция латышей в российскую «глубинку» во время Первой мировой войны происходила за счет беженцев, национальный состав которых в 1914–1917 гг. демонстрировал свою

исключительную пестроту. Русские составляли всего 54,4 % от общего количества беженцев, тогда как среди представителей национальных меньшинств латыши оказались вторыми (8,9 %), уступая по численности только полякам (15,5 %). При этом основным местом прибытия бежавших латышей стали регионы Европейской России (97,5 %) [11, с. 102].

После установления советской власти большевики нередко отправляли латышей на места с целью сохранения и укрепления коммунистического режима. В первую очередь это были красные латышские стрелки, доказавшие свою преданность участием в свержении Временного правительства, разгоне Учредительного собрания и подавлении левоэсеровского мятежа. Их боевой опыт оказался востребованным в деле создания в губерниях вооруженных формирований. Так, в июне 1918 г. был сформирован Тамбовский латышский коммунистический отряд. Он имел пулеметную и связную команды, легкую батарею (четыре орудия) и бронированный взвод (два броневика). В отряде было 60 коммунистов [12, д. 27, л. 4].

Уже с осени 1918 г. наблюдается их наплыв в органы управления великорусских губерний. Например, на заседании Тамбовского губернского исполкома 3 декабря 1918 г. заведующий отделом управления И. П. Гучков отмечал, что в губернии проживает до 3500 латышей [12, д. 139, л. 1]. Из национальных меньшинств латышская секция была самая представительная в губернской организации РКП(б). Только в Тамбовском уезде в июле 1919 г. в местном комитете большевиков было 27 латышей [12, д. 139, л. 1]. По информации тов. Гайлита от 5 июля 1920 г., в Тамбове численность латышей составляла порядка 200–300 чел., а всего в губернии их было около 2 тыс. чел. [12, д. 799, л. 4]. К концу августа 1921 пять эшелонов латышей-беженцев было реэвакуировано в Латвию. В Тамбове оставалось около 50 латышей, а в уезде – 20, из них всего 25 коммунистов [12, д. 1335, л. 1, 2].

Примечательно и то, с какой интенсивностью репрессивные и карательные органы Советской республики были подвергнуты кадровой «экспансии» латышей. Историк «красного террора» С. П. Мельгунов по этому поводу заметил: «Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях ЧК. Они служат здесь целыми семьями и являются верными адептами

нового “коммунистического строя”» [13, с. 177]. По состоянию на 25 сентября 1918 г. среди основных работников аппарата ВЧК латыши составляли 35,8 %. По данным О. И. Капчинского, из 372 сотрудников ВЧК 179 (48,1 %) были латышами [14, с. 255]. Так, активистка партии левых эсеров А. Измайлович, находившаяся в московской тюрьме ЧК, вспоминала: «Вся администрация – почти сплошь латыши. Этот революционный когда-то народ теперь специализировался на отхожем промысле шпионства, тюремной охране, провокации и палачестве» [15, с. 120]. И такая метаморфоза была вполне закономерной.

Адепты большевизма

Латыши неслучайно оказались в авангарде среди служащих карательных органов советской власти в годы Гражданской войны. Столь значительная доля латышей поколения «революционного перелома», участвовавших в подавлении антибольшевистских выступлений, во многом обусловлена их заметным преобладанием среди представителей революционного крыла российского общественно-политического движения периода поздней империи. Так, из общего числа членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, родившихся в 1890-е гг., латыши составляли 10,1 %, что многократно превышало их долю в населении Российской империи [16, с. 1239]. Среди всех «малых народов» по степени революционной активности представителей поколения «революционного перелома» латыши занимали «почетное» второе место, уступая пальму первенства лишь евреям (37,4 %), при этом заметно обгоняя украинцев (6,7 %) и белорусов (0,4 %) [16].

Анализ содержания биографических характеристик латышей – политкаторжан изучаемой когорты свидетельствует о том, что значительная их часть знакомились с революционными идеями в возрасте 14–17 лет [16, с. 1238]. К этому возрасту они, как правило, освобождались от надзора и избыточной опеки со стороны старших родственников и в то же время еще не были связаны семейными узами и соответствующими обязательствами, что упрощало процесс их интеграции в революционное движение. Многие латыши в детские годы стали очевидцами событий Первой русской революции, определивших их будущий революционный настрой. Например, Эмилия Юрьевна Чанке-

Звиргздынынь (1888 г. р.) в своей автобиографии отмечала, что ненависть к существующим порядкам у нее возникла в раннем в детстве в 1904–1905 гг. [17, д. 2209, л. 8]. Юлий Карлович Тиммерман (1888 г. р.) примкнул к революционерам будучи подростком, в 1905 г. был арестован, однако, даже оказавшись в ссылке в Енисейской губернии, вплоть до 1917 г. продолжал вести революционную агитацию среди рабочих [17, д. 2007, л. 5].

При этом частые переходы латышей из одной революционной организации в другую накануне Гражданской войны свидетельствуют о стихийности и поверхностности их взглядов, а сам факт участия в революционной деятельности в большинстве случаев выражал общее недовольство и стремление изменить существующий порядок. Февральские события 1917 г. и последовавшая амнистия политических заключенных открыли возможность для сравнительно молодых латышей-политкаторжан вновь включиться в революционный процесс. В то же время откладывание Временным правительством решения этнических проблем создавало благоприятные условия для дальнейшей радикализации национальных движений.

Неудивительно, что после прихода большевиков к власти многие амнистированные латыши сравнительно быстро получили партийный билет. В частности, абсолютное большинство латышей-политкаторжан рассматриваемого поколения (86,2 %) к середине 1920-х гг. стали членами РКП(б), несмотря на то что до революции многие из них были меньшевиками, эсерами, анархистами и членами латышских национал-социалистических организаций.

Нередко латыши, прошедшие царскую каторгу и ссылку, добивались весьма успешного карьерного роста в условиях становления институтов большевистской власти. Большинство амнистированных латышей стремились получить должность в советских органах власти, в том числе и в карательных отрядах в годы Гражданской войны, очевидно опасаясь возможности возврата к дореволюционным порядкам и утраты «завоеванного» национального равноправия. В частности, политкаторжанин Ян Янович Чума (1891 г. р.) был одним из организаторов Красной гвардии в 1917 г., участвуя в ее рядах в ходе Октябрьского вооруженного восстания под Киевом и Уфой, а затем и в Гражданской войне [18, с. 873]. Не менее Примеча-

телен стремительный карьерный рост Амалии Яновны Аузинь (1890 г. р.), которая фактически сразу после амнистии 1917 г. была избрана в Петроградскую городскую думу, работала в Народном комиссариате по военным делам, а летом 1918 г. была направлена на Южный фронт в качестве члена военно-полевого ревтрибунала [17, д. 81, л. 4–5]. Дважды арестованный за революционную деятельность и убийство полицейского Ян Карлович Берзин (1890 г. р.) после падения монархии стал редактором латышской газеты «Пролетариата Циня», а уже с декабря 1917 г. работал в аппарате ВЧК РСФСР [17, д. 167, л. 5–9]. Таким образом, раннее приобщение к антиправительственной деятельности, вкупе с опытом тюремного заключения (ссылки), стали надежным «капиталом» для начала советской карьеры и достижения жизненного «успеха».

На службе «красному террору»

Формирование органов ЧК на губернском и уездном уровне осуществлялось при самом активном участии представителей этого этнического меньшинства. Так, из 11 членов коллегии Нижегородской ЧК в октябре 1918 г. по меньшей мере шесть были латыши. Только из Тамбовской уездной ЧК, как следует из протокола № 36 от 30 декабря 1918 г., были отчислены в распоряжение ЦК партии большевиков 12 латышей [19, д. 4, л. 10]. Из 20 сотрудников аппарата Тамбовской Губчека в 1919 г. как минимум 7 чел. были латышами [20, д. 1, л. 1–1 об.]. С августа 1918 по октябрь 1921 г. председателем Пензенской Губчека был латыш Рудольф Иванович Аустрин. Он родился в 1891 г. в г. Вольмаре Лифляндской губернии в семье плотника. Окончил два класса церковно-приходской школы, в 1907 г. вступил в Латвийскую социал-демократическую партию, с 1918 г. в РККА руководил обороной Пензы во время мятежа чехословацкого корпуса. В апреле-мае 1918 г. член коллегии Пензенской ЧК, а с марта 1920 г. председатель Пензенского губернского ревтрибунала [21, д. 96, л. 4–6; 21, с. 101–106].

Самое активное участие латыши приняли в подавлении антибольшевистского протеста осени 1918 г. По подсчетам исследователя механизма «красного террора» С. П. Мельгунова, только по двадцати губерниям Центральной России в 1918 г. было зарегистрировано 245 крупных контрреволюционных

выступлений, в подавлении которых использовались латышские стрелки [22, с. 15].

В ноябре 1918 г. в Тамбовской губернии в районе железнодорожных станций Вернадовка – Фитингоф – село Пичаево было поднято крестьянское восстание. Из Пензы на его подавление были отправлены вооруженные отряды интернационалистов, в том числе и латышей. А также и боевая дружина Петроградского трубочного завода в количестве 36 человек во главе с губернским военным комиссаром латышом Л. Х. Фридрихсоном. По окончании операции он докладывал, что участники волнений были расстреляны, а некоторые села за участие в восстании против власти сожжены до основания [23, д. 1, л. 172]. Комиссар Военно-политического штаба Кирсановских вооруженных отрядов т. Рожкалнс участвовал в расстреле зачинщиков крестьянского восстания 10–11 ноября 1918 г. в с. Куровщина Тамбовской губернии [24, д. 24, л. 24 об.]. В декабре 1918 г. «красные» латыши усмиряли восставших крестьян в селах Шацкого уезда Тамбовской губернии, только в Конобеевской волости было расстреляно 40 чел. [25, д. 856, л. 11, 15]. Карательными операциями в конце 1918 г. против восставших крестьян Тамбовского и Козловского уездов руководил Рудольф Августович Петерсон. Родился он в 1897 г. в семье мелкого служащего. Окончил начальное училище. В мае 1916 г. был призван на военную службу и направлен в Латышский запасный стрелковый батальон. С апреля 1918 г. – в Красной армии, в 1919 г. вступил в РКП(б). Очевидно, что красные латышские стрелки, командированные в провинцию, выступили в качестве надежных защитников коммунистического режима.

В рядах карателей

Приведем три биографии латышей-чекистов, наиболее типичные для молодежи этого этнического меньшинства российской провинции революционной эпохи. Изучение анкетных данных наших «героев» позволяет не только воссоздать социальный облик, но и понять суть их жизненных траекторий.

Петр Яковлевич Зугтис родился в крестьянской семье 10 июля 1891 г. в местечке Мериенбург Валкского уезда Лифляндской губернии. В возрасте года был отдан в приют, где находился до 12 лет. Был взят на воспитание известным богачом, который

и дал ему свою фамилию. Окончил Рижское 4-классное городское училище [26, д. 1618, л. 4], в 1912 г. был призван в армию. С 1915 г. – командир кавалерийского взвода 16-го Новоархангельского полка. Был трижды ранен, награжден тремя Георгиевскими крестами. Член партии анархистов в 1910–1917 гг. В партию большевиков был принят 1 ноября 1917 г. Псковской организацией РСДРП(б). С января по апрель 1918 г. – помощник командира 1-го Борисоглебского кавалерийского полка и секретарь ревкома. С апреля 1918 г. по 1920 г. – в Борисоглебском уездной ЧК на разных должностях. С 1920 по 1921 г. – заместитель начальника Тамбовской губернской ЧК, 1921 г. – член коллегии Чебоксарской областной ЧК, 1922 г. – заместитель начальника Самарского ГПУ [26, л. 7].

Любопытные подробности узнаем из его автобиографии. Так, в 1919 г. на Восточном фронте он входил в состав экспедиционного корпуса следователей. Во время рейда генерала Мамонтова в августе 1919 г. оставил в квартире 8-месячного сына, который был убит казаками. В период крестьянского восстания попал к повстанцам в плен, приговорен к расстрелу, но смог бежать. За раскрытие эсеровской организации был награжден золотыми часами. В 1921 г. он был признан доктором Волковым психически больным в г. Чебоксары. За пьянство переведен в кандидаты члена РКП(б) и отбывал в 1922 г. 10-суточный арест в губернском отделе Астраханского ГПУ [26, л. 5, 6 об.].

Другим представителем поколения «революционного перелома» был Ян Томович Лаубе. Родился он 17 октября 1889 г. в Смильтенской волости Валкского уезда Лифляндской губернии, в крестьянской семье. В 1905 г. окончил городское училище. С 1906 по 1911 г. служил помощником аптекаря. В царской армии с 1911 г., а с 1914 г. – младший унтер-офицер на германском фронте. 10 апреля 1917 г. Рижской организацией РСДРП был принят в партию [26, д. 2530, л. 1]. В декабре 1917 г. Я. Т. Лаубе принимал участие в ликвидации Учредительного собрания и охране Таврического дворца. В феврале 1918 г. участвовал в боях с германцами у Пскова, а в июле-августе 1918 г. сражался с чехословаками под Екатеринбургом. В Арзамасе в составе 4-го Латышского стрелкового полка принимал участие в ликвидации крестьянского восстания на ст. Серёже. В сентябре 1918 г. командовал отдельным батальоном Пензенской Губчека,

участвовавшим в подавлении восстаний в Симбирской и Тамбовской губерниях [26, л. 1 об.]. Постановлением Пензенского губисполкома был назначен заведующим отделом ж/д милиции, с июля по сентябрь 1921 г. он занимал должность начальника Пензенской губернской милиции. Переведен в Курск, где с 24 сентября 1921 г. стал заместителем председателя Губернской ЧК, а с 7 декабря 1921 г. – заместителем заведующего губернским отделом управления [26, л. 2–3].

Примером трагического финала карьеры латыша-чекиста служит судьба Артура Вольдемаровича Зегеля. Сын крестьянина Валкского уезда Лифляндской губернии родился в 1897 г. В 1915 г. получил среднее образование, был призван в армию и воевал в составе Латышской стрелковой дивизии. Принимал участие в штурме Зимнего дворца, на фронтах Гражданской войны в составе красных латышских стрелков сражался с войсками Юденича и Краснова. В апреле 1918 г. стал членом партии большевиков, в 1919 г. направлен на работу в столичную ЧК, а в апреле 1920 г. стал начальником Липецкой уездной ЧК [27, с. 25]. В разгар Тамбовского восстания А. В. Зегель был назначен председателем выездной сессии ЧК, действующей в Кирсановском уезде. 28 декабря 1920 г. чекисты во главе с Зегелем были окружены повстанцами вблизи с. Инжавино и в результате боя уничтожены [28, с. 262]. Отношение тамбовских повстанцев к инородцам (евреям и латышам), воевавшим на стороне правительственных, было категорично, в плен их не брали, а расстреливали на месте [29, с. 71].

«Не ищи палача, а ищи латыша!»

«Карающим мечом» революционного правосудия в годы Гражданской войны выступали губернские революционные трибуналы. И в них не обошлось без представителей этого национального меньшинства. Латыши преобладали в следственных комиссиях губернских ревтрибуналов. Так, следователями Вятского РВТ в октябре-ноябре 1918 г. «трудились» А. Ф. Аболин, Г. Я. Кипст, И. И. Кауке, А. П. Гринвальд, А. Д. Иост, Г. Д. Берзин¹.

Еще одним представителем латышской диаспоры, сделавшим «революционную» карьеру в тамбовской провинции,

¹ Позднякова А. С. Деятельность вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. С. 72, 74.

был Василий Иванович Рупрехт. Родился он в Курляндской губернии в 1897 г., по социальному происхождению рабочий, окончил два класса начального училища. Вступил в партию большевиков в мае 1917 г., в Тамбовскую организацию принят на учет с апреля 1918 г. [19, д. 813, л. 11, 67]. Показателен его послужной список за период с 1918 по 1920 г.: комиссар штаба продотрядов, комиссар 2-й продовольственной дивизии, комендант тамбовской губернской тюрьмы, заведующий отделом Тамбовского губполитпросвета, политический комиссар 353-го Богучарского стрелкового полка [30, д. 42, л. 294]. В ходе партийной чистки 1921 г. был исключен из рядов ВКП(б) как «закомиссарившийся». В 1922 г. был судим за служебное преступление и получил один год условно [31, д. 600, л. 146]. Это было концом его карьеры, которая находилась на взлете.

В январе 1921 г. был сформирован Тамбовский губернский революционно-военный трибунал (РВТ) членами коллегии которого стали латыши – Рупрехт и Озолин [12, д. 1030, л. 27 об.]. А 12 июля 1921 г. был создан 1-й отдел РВТ армии при командующем войсками Тамбовской губернии. Его председателем был назначен Василий Иванович Рупрехт, а членами коллегии – Ян Рейнович Озолин и Вильгельм Вильгельмович Гребер [30, д. 42, л. 445]. Из личной анкеты Я. Н. Озолина узнаем, что он родился в 1890 г., окончил трехклассное волостное училище, по профессии – столяр. В царской армии с 1911 г. был старшим унтер-офицером. С октября 1918 по январь 1919 г. – командир взвода в батальоне при Симбирской ЧК, после до 20 марта 1919 г. – командир роты в батальоне при Псковской ЧК. Далее его чекистская карьера проходила в Тамбове. Так, с марта 1919 по ноябрь 1920 г., он – командир роты, помощник командира батальона Тамбовской ЧК, а с 20 ноября 1920 г. назначен на службу в РВТ Тамбовской губернии. Здесь же 26 июля 1919 г. он стал коммунистом [30, д. 97. л. 2, 3]. Опять же типичные социальные лифты для представителей изучаемой когорты.

О «результативности» деятельности этих карательных органов можно судить по их отчетам. Так, в период с 25 февраля по 12 апреля 1921 г. РВТ при командующем войсками Тамбовской губернии за «активный бандитизм» было приговорено к расстрелу 34 крестьянина [32, с. 118]. Большинство телеграмм, отправленных из Тамбовского РВТ в адрес Военной коллегии

Верховного трибунала в период с 30 апреля по 21 декабря 1921 г., с сообщениями о смертной казни участников крестьянского восстания были подписаны именно Рупрехтом [33, д. 11, л. 213; д. 15, л. 23, 107]. Власть щедро оплачивала работу палачей. Так, из списка сотрудников 1-го отдела РВТ армии явствует, что месячное жалованье Рупрехта составляло 8500 р., а Озолина – 7300. Сумма их командировочных за участие в 3-й выездной сессии РВТ с 23 января по 8 февраля в Липецк и с. Мордово с 9 февраля по 9 апреля 1921 г. составила по 48300 р. каждому [30, д. 97, л. 19 об., 31].

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование показало значительную роль латышской молодежи «революционного перелома» в событиях Гражданской войны, большинству из которых к тому времени было около 20–27 лет. Анализ просопографических характеристик представителей рассматриваемого поколения показал заметное преобладание среди латышей-коммунистов лиц с начальным образованием. Значительно реже встречались те, кто имел среднее образование, которое в силу начала ранней революционной карьеры часто было незавершенным. По социальному происхождению преобладали выходцы из мещанского сословия, однако были и те, кто родился в крестьянской семье.

Революционные потрясения 1917 г. открыли широкие возможности для горизонтальной и вертикальной мобильности некогда ущемленного в правах «малого народа», многие представители которого, несмотря на свою молодость, к этому времени уже имели внушительный опыт революционной борьбы, будучи членами различных социалистических партий. Опасаясь возможности возврата к дореволюционным порядкам, большинство радикально настроенных латышей устремились на службу в карательные отряды Красной армии. Как показывает содержание проанализированных биографий, активное участие латышей в подавлении антибольшевистских восстаний в российских провинциях и их служба в органах безопасности (ВЧК) нередко использовалось в качестве эффективного социального лифта, способствовавшего быстрому карьерному росту.

Впрочем, проявленная многими латышами «преданность» служению делу революции в период Гражданской войны,

не спасла их от уготованной участи жертв политических репрессий. Несмотря на то что к середине 1930-х гг. большинство латышей поколения «революционного перелома» отошло от активной политики и в целом приняло новую власть, многие из них оказались расстреляны в годы «Большого террора». Только среди латышей-политкаторжан, чьи судьбы нам известны, около половины (44,4 %) были обвинены в контрреволюционной деятельности и приговорены к высшей мере наказания [16, с. 1244]. Как правило, основным мотивом для их обвинения было членство в националистических социалистических партиях, тогда как их заслуги перед правящей партией в послереволюционный период не стали весомым аргументом для оправдания.

Список литературы

1. Панин Е. Н., Гумилина А. М. Латышские стрелки в годы Первой мировой и гражданской войн // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. – 2015. – № 2(6). – С. 74–79. EDN: UKOMOJ
2. Поляков Р. Ю. Иностранцы формирования Красной Армии на территории Пензенской губернии в 1918–1919 гг. // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 917–921. EDN: PKBEEB
3. Абраменко Е. М. Латыши в Псковской губернии в 1920-х гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2006. – № 24. – С. 162–166. EDN: NUAISP
4. Ренёв Е. Г. Латышские стрелки в подавлении Ижевского антибольшевистского восстания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. – 2011. – № 4. – С. 40–48. EDN: OJZOUN
5. Позднякова А. С. Обученные революцией: чекистская семья Лепсис в Вятке (1919 г.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2023. – Т. 8. – № 2. – С. 95–101.
6. Попов Н. В., Клименко И. М. В. К. Ансвенсул – латышский стрелок и первый декан исторического факультета Свердловского пединститута // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 2. – С. 14–20.
7. Шахтарин Г. А. Латыши в гражданской войне в России // Человек и общество в нестабильном мире: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 26 февраля 2019 года / отв. ред. Г. И. Тюменцева. – Омск: Омская юридическая академия. 2019. – С. 212–220. EDN: BRGROS
8. Нам И. В. Латышские организации в Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) // Россия и Балтия. – М.: Наука, 2008. – Т. 5. – С. 139–176. EDN: TDSPQD
9. Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // Россия и Балтия. Источники и миф в истории. – М.: ООО "Издательство "Весь Мир", 2020. – Т. 9. – С. 143–186. EDN: PLOUXE
10. Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Политики российской провинции начала XX века: опыт изучения электронной базы данных // Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 21–42.
11. Михалев Н. А., Пьянков С. А. Беженцы первой мировой войны в российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4(49). – С. 95–105. EDN: UYJSPX.
12. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П – 840. Оп. 1.

13. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП «РУССО», 1990. 208 с.
14. Капчинский О. И. Госбезопасность изнутри: национальный и социальный состав. М.: Эксмо, 2005. 383 с.
15. Измаилов А. А. Семь недель в ВЧК // Кремль за решеткой: Подпольная Россия. Berlin, 1922. С. 106–138.
16. Безгин В. Б., Якимов К. А. Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» начала XX века // Вестник архивиста. – 2022. – № 4. – С. 1235–1247. DOI 10.28995/2073–0101–2022–4–1235–1247. EDN: BGNWYJ
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 2.
18. Политическая каторга и ссылка. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1934. 878 с.
19. ГАСПИТО. Ф. П – 842. Оп. 1.
20. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 2983. Оп. 1.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 124. Оп. 1.
22. История латышских красных стрелков. От первых марксистов до генералов КГБ. Биографический справочник. М.: Родина, 2021. 512 с.
23. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р – 2381. Оп. 1.
24. ГАСПИТО. Ф. П – 837. Оп. 1.
25. ГАТО. Ф. Р – 5201. Оп. 2.
26. ГАСПИТО. Ф. П – 840. Оп. 2.
27. Смирнов Д. М. Записки чекиста. Минск: Беларусь. 1965. 265 с.
28. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов: Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007. 800 с.
29. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
30. ГАТО. Ф. Р – 4705. Оп. 3.
31. ГАСПИТО. Ф. П. – 735. Оп. 1.
32. Безгин В. Б., Парахин С. А. Расстрелы крестьянских повстанцев и сельских заложников в Тамбовской губернии 1918–1921 гг. // История: факты и символы. – 2021. – № 4(29). – С. 113–125. DOI 10.24888/2410–4205–2021–29–4–113–124. EDN: VQNHFL
33. ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

The "Revolutionary Breakthrough" Generation Latvians in Everyday Life of the Russian Provinces During the Civil War

Vladimir B. Bezgin, Kuzma A. Yakimov

The article is aimed to study the participation of Latvians of Russian province in the events of the Civil War. The study of their role in the revolutionary everyday life is carried out by applying the concept of the "generation of the revolutionary turning point" and the methods of social history, prosopography and ethnopsychology. Using

the example of the destinies of representatives of the studied cohort, the behavioral models and career trajectories of Latvians in the revolutionary era are considered. By analyzing the biographical characteristics of Latvian political prisoners, the ways of integration of adolescents of this ethnic minority into the revolutionary movement are established. Particular attention is paid to study of the problem of service of Latvians in the provincial Cheka and revolutionary tribunals. Based on the autobiographies and questionnaires of Latvian communists, the age, social origin, level of education, profession, military service, as well as their positions in the punitive and repressive organs of the Soviet government are established. It is concluded that the significant proportion of Latvians of the considered generation in the punitive organs of the Soviet power and among the Red Army soldiers was due to their noticeable percentage on the eve of the Civil War both among the Bolsheviks and among representatives of other socialist parties. It is shown that for many radically minded Latvians, participation in the Civil War became an opportunity to achieve rapid career growth in the conditions of the formation of Soviet authorities and coercion.

Key words: Latvians, Civil War, Russian province, everyday life, extraordinary commission, revolutionary tribunal.

Acknowledgments: The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

For citation: Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2024) *Latyshi pokoleniya «revolyucionnogo pereloma» v obydenosti rossijskoj provincii perioda Grazhdanskoj vojny* [The "Revolutionary Breakthrough" Generation Latvians in Everyday Life of the Russian Provinces during the Civil War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 59–75. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_59. EDN: DUFCCN

References

1. Panin, E. N., Gumilina, A. M. (2015) *Latyshskie strelki v gody Pervoj mirovoj i grazhdanskoj vojn* [Latvian Rifleman during the First World War and the Civil War]. *Vyzovy global'nogo mira. Vestnik IMTP* [Challenges of the global world. Bulletin of the Institute of Theoretical and Applied Mathematics]. No. 2 (6). Pp. 74–79. EDN: UKOMOJ. (In Russ.)
2. Polyakov, R. Yu. (2012) *Inostrannye formirovaniya Krasnoj Armii na territorii Penzenskoj gubernii v 1918–1919 gg.* [Foreign formations of the Red Army on the territory of the Penza province in 1918–1919]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* [News of V. G. Belinsky PSPU]. No. 27. Pp. 917–921. EDN: PKBEEP. (In Russ.)
3. Abramenko, E. M. (2006) *Latyshi v Pskovskoj gubernii v 1920-h gg.* [Latvians in the Pskov province in the 1920s]. *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal* [Pskov. Scientific and practical, historical and local history journal]. No. 24. Pp. 162–166. EDN: NUAISP. (In Russ.)
4. Renyov, E. G. (2011) *Latyshskie strelki v podavlenie Izhevskogo antibol'shevistskogo vosstaniya* [Latvian Rifleman in the Suppression of the Izhevsk Anti-Bolshevik Uprising]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. No. 4. Pp. 40–48. (In Russ.)
5. Pozdnyakova, A. S. (2023) *Obuchennye revolyuciej: chekistskaya sem'ya Lepsis v Vyatke (1919 g.)*. [Trained by the Revolution: the Chekist Lepsis Family in Vyatka (1919)]. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya «Obshchestvo. I istoriya. Sovremennost'»* [Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"]. No. 2. Pp. 95–101. (In Russ.)
6. Popov, N. V., Klimenko, I. M. (2020) *V. K. Ansvensul – latyshskij strelok i pervyj dekan istoricheskogo fakul'teta Sverdlovskogo pedinstitutu*. [V. K. Ansvensul – Latvian shooter and the first dean of the history department of the Sverdlovsk Pedagogical Institute]. No. 2. Pp. 14–20. (In Russ.)
7. Shakhtarin, G. A. (2019) *Latyshi v grazhdanskoj vojne v Rossii* [Latvians in the Civil War in Russia]. *CHelovek i obshchestvo v nestabil'nom mire: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Omsk, 26 fevralya 2019 goda* [Man and Society in an Unstable World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, February 26, 2019]. Editor-in-Chief G. I. Tyumentseva. Omsk: Omsk Law Academy. Pp. 212–220. EDN: BRGROS. (In Russ.)

8. Nam, I. V. (2008) *Latvyskšie organizacii v Sibiri v usloviyah revolyucii i grazhdanskoj vojny (1917–1919 gg.)* [Latvian organizations in Siberia during the revolution and civil war (1917–1919)]. *Rossiya i Baltiia* [Russia and the Baltics]. No. 5. Pp. 139–176. EDN: TDSPQD. (In Russ.)

9. Nazarova, E. L. (2020) *Latvyski v russkoj revolyucii. Sud'ba Karla Yakovica* [Latvians in the Russian Revolution. The Fate of Karl Yakovits]. *Rossiya i Baltiia. Istochnik i mif v istorii* [Russia and the Baltics. Source and Myth in History]. Vol. 3. Pp. 143–186. EDN: PLOUXE. (In Russ.)

10. Dyachkov, V. L., Protasov, L. G. (2014) *Politiki rossijskoj provincii nachala XX veka: opyt izucheniya elektronnoj bazy dannyh* [Politicians of the Russian provinces of the early 20th century: an experience of studying an electronic database]. *Politicheskie deyateli rossijskoj provincii ot epohi Nikolaya II do Stalina* [Political figures of the Russian provinces from the era of Nicholas II to Stalin]. Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin. Pp. 21–42. (In Russ.)

11. Mikhalev, N. A., Pyankov, S. A. (2015) *Bezheny pervoj mirovoj vojny v rossijskoj imperii: chislennost', razmeshchenie, sostav* [Refugees of the First World War in the Russian Empire: Number, Location, Composition]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 4 (49). Pp. 95–105. EDN: UYJSPX. (In Russ.)

12. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii Tambovskoj oblasti* (hereinafter – GASPITO) [State Archive of Socio-Political History of Tambov Region]. F. P – 840. Op. 1.

13. Melgunov, S. P. (1990) *Krasnyj terror v Rossii. 1918–1923* [Red Terror in Russia. 1918–1923]. Moscow: SP "PUICO". (In Russ.)

14. Kapchinsky, O. I. (2005) *Gosbezopasnost' iznutri: nacional'nyj i social'nyj sostav* [State security from within: national and social composition]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

15. Izmailovich, A. A. (1922) *Sem' nedel' v VCHK* [Seven Weeks in the Cheka]. *Krem' za resh-etkoj: Podpol'naya Rossiya* [The Kremlin Behind Bars: Underground Russia]. Berlin. Pp. 106–138. (In Russ.)

16. Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022) *Social'no-demograficheskij portret politikatorzhan pokoleniya "revolyucionnogo pereloma" nachala XX veka.* [Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the "revolutionary turning point" of the early 20th century]. *Vestnik arhivista* [Herald of the Archivist]. No. 4. Pp. 1235–1247. EDN: BGNWYJ. (In Russ.)

17. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (hereinafter – GARF) [State Archives of the Russian Federation]. F. 533. Op. 2.

18. *Politicheskaya katoga i ssylka* (1934) [Political hard labor and exile]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political prisoners and Exiled settlers. (In Russ.)

19. GASPITO. F. P – 842. Op. 1.

20. *Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti* (hereinafter – GATO) [State Archives of Tambov Region]. F. 2983. Op. 1.

21. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii* (hereinafter – RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 124. Op. 1.

22. *Istoriya latvyskikh krasnykh strelkov. Ot pervykh marksistov do generalov KGB. Biograficheskij spravochnik* (2021) [History of the Latvian Red Rifleman. From the First Marxists to KGB Generals. Biographical Handbook]. Moscow: Rodina. (In Russ.)

23. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archives of the Voronezh Region] F. R – 2381. Op. 1.

24. GASPITO. F. P – 837. Op. 1.

25. GATO. F. R – 5201. Op. 2.

26. GASPITO. F. P – 840. Op. 2.

27. Smirnov, D. M. (1968) *Zapiski chekista* [Notes of a Chekist]. Minsk: Belarus. (In Russ.)

28. «Antonovshchina». *Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya* (2007) ["Antonovshchina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920–1921: Documents, materials, memoirs]. State archive of the Tambov region and others. Tambov: Department of Culture and Archives of the Tambov Region. (In Russ.)

29. Samoshkin, V. V. (2005) *Antonovskoe vosstanie* [Antonov Uprising]. Moscow: Russian Way. (In Russ.)

30. GATO. F. R – 4705. Op. 3.

31. GASPITO. F. P – 735. Op. 1.

32. Bezgin, V. B., Parakhin, S. A. (2021) *Rasstrely krest'yanskikh povstancov i sel'skikh zalozhnikov v Tambovskoj gubernii 1918–1921 gg.* [Executions of peasant rebels and rural hostages in the Tambov

province in 1918–1921]. *Istoriya: fakty i simvolyy* [History: facts and symbols]. No. 4 (29). Pp. 113–125. EDN: VQNHFL. (In Russ.)

33. GARF. F. 1005. Op. 1.

Об авторах

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация; e-mail: vladuka62@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7074-6823

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация; e-mail: gnom-gnom123@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-1756-3515

About the authors

Bezgin Vladimir B., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation; e-mail: vladuka62@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7074-6823

Yakimov Kuzma A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation; e-mail: gnom-gnom123@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-1756-3515

Статья поступила в редакцию 04.10.2024

Одобрена после рецензирования 22.10.2024

Принята к публикации 25.10.2024